

ПОКАЖИ МНЕ ДОРОГУ В АД
(пять отрывков из готической повести)

КОМНАТА ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Прошло несколько месяцев или десятилетий, о которых я не могу вспоминать без стыда.

Надо кое-что объяснить. Остался во дворце я тогда не потому, что меня так уж привлекала комната исполнения желаний или служба у монсеньора. Просто мне очень не хотелось возвращаться в мою прошлую немецкую жизнь. К тому же меня мучило любопытство. Что еще скрывает дворец? Тогда я еще не понимал, что некоторые двери лучше не открывать.

А комната? Что она могла мне дать, кроме того, что я уже получил?

Яйца Фаберже? Корону королевы Елизаветы?

Похотливую грудастую негритянку из Гаити с двойной порцией Виагры и ВИЧ-инфекцией в придачу?

В юности я хотел разбогатеть, стать светским львом, купить виллу в Калифорнии с теннисным кортом, бассейном и джакузи, устраивать там шикарные партии. Сорить деньгами, блистать... вступать в связи с голливудскими дивами.

Ну вот, попробовал и это.

Увы, это тоже не для меня. На партии я чувствовал себя чужаком, самозванцем, вором. Болела голова. Поддерживать их разговоры ни о чем я не мог, блистать не получалось. Привлеченные моим богатством люди льстили мне в лицо, а за спиной у меня злословили и зевали. Дивы разделяли со мной постель, но презирали и ненавидели. Мужчины пытались шантажировать. Все – кто как мог – жадно вымогали у меня деньги.

Стал диктатором в одной латиноамериканской стране. Через три дня меня отравили крысиным ядом мои же охранники.

Стал королем Бенина. Меня свергли и продали в рабство...

Стал – только на часок – матерью Терезой. До сих пор тошнит.

Побывал на Луне и на Марсе. Мерзкие места.

Научился играть на губной гармошке блюз как этот беззубый негр, Сани Бой Виллиамсон второй. После получаса игры осточертело.

Побывал в Иерусалиме в последние дни и часы земной жизни Иисуса Христа.

Наконец-то понял, что же тогда на самом деле произошло. И поклялся никому об этом не рассказывать. Христиане все равно не поверят, неверующим все равно.

Вмешался в текущие политические события на моей бывшей родине, раздавал деньги нищим в Африке, оплатил постройку новой библиотеки в Канберре – но ничего хорошего из всего этого не вышло.

С меня довольно!

Комната эта – ловушка для глупцов.

Нет, нет, дорогие обитатели дворца, я не шут гороховый и не стану больше изображать вам на потеху гиганта секса, мессию, гуманиста, борца, мецената, Герострата или собирателя сокровищ на земле. Увольте.

Убрал все новоприобретенное и вернул своей камерке ее первоначальный размер и вид.

И вот... который год уже сижу по-турецки на циновке из соломы голый и босой и смотрю на стоящую передо мной свечу в глиняном подсвечнике.

Пламя ее дрожит как испуганный кролик.

ПАЛАЧ

Не знаю, сколько еще времени прошло.

Дверь в мою камеру со скрипом открылась...

Передо мной стоял узколицый человек в длинной темной сутане с белым воротничком и внимательно смотрел на меня через круглые очки. Мне казалось, что он просвечивает мой мозг, читает мои мысли.

Через минуту монсеньор сказал густым низким голосом: Браво, Гарри! Не ожидал... вы выдержали испытание. Надеюсь, вы не обманываете меня. Это было бы недальновидно. Пойдемте, я хочу вам кое-что показать. То, что вы напрочь забыли.

– Поверьте мне, монсеньор...

– Довольно, Гарри. Ничего странного не замечаете?

– Вы имеете в виду коридор?

– О да, как вам нравится его новый вид?

– Декорация к фильму ужасов.

– Именно так. А там, куда мы направляемся, будет еще страшнее.

Коридор был выкрашен темной краской. Освещали его массивные бронзовые торшеры в виде горбатых мальчиков-уродов, держащих в руках черные свечи, горящие синеватым пламенем.

– Такой вид придал ему один из посетителей комнаты. Материализации его желаний остались в памяти моего дома. Как бы вам это объяснить... Они похожи на ваши голограммы. Мы почти на месте. Видите эту спиральную лестницу? Она ведет в подземелье.

Перед нами зиял конический, вершиной вниз, колодец. Подземная башня!

По краям ее вилась лестница. И ее освещали бронзовые торшеры, на сей раз – в виде нагих худых девочек, державших в ручках розовые свечи.

Мы прошли девять пролетов, каждый из которых, я считал, имел семнадцать вырубленных в граните ступенек. Стояли на мраморном дне колодца, украшенном большой золотой пентаграммой с непонятными мне знаками.

Спутник мой неожиданно положил свои ледяные руки мне на плечи и сурово посмотрел мне в глаза. Лицо его на мгновение представилось мне отвратительной козиной мордой, украшенной изогнутыми бараньими рогами.

Я узнал Большого козла...

– Вы готовы?

– Да, монсеньор.

– Тогда пошли.

Он отпер низкую тяжелую дверь... и до меня донеслись истошные детские крики и хриплые мужские стоны.

Мы оказались в зловещем подвальном зале с таким низким потолком, что я мог достать до него рукой. В зал выходили тюремные двери.

Мне было холодно и жутко. Я подозревал, что меня привели сюда не для развлечения.

Монсеньор подошел к одной из дверей и жестом пригласил меня посмотреть в узкое прямоугольное отверстие.

Я ожидал увидеть тюремную камеру, но увидел уютную спальню с необъятной семейной кроватью.

На этой кровати...

...

Минут через десять я испытал нечто вроде коллапса всего существа.

Как бы сквозь сон услышал голоса монсеньора и маркиза.

– Как вы думаете, дорогой маркиз, он подойдет? Увидел капли крови на ляжке ребенка... и сознание потерял.

– Признаю, монсеньор, он чувствителен. Это, надеюсь, придаст представлению особую пикантность. Вы же не хотите, чтобы эту деликатную миссию выполнил какой-нибудь грубый солдафон с ослиным голосом и внешностью Приапа?

– Нет, конечно, но и чрезмерно чувствительной мимозе тут делать нечего.

– Полагаю, он сильнее, чем вы думаете, сильнее и жестче, чем он сам о себе думает...

Согласитесь, далеко не каждый способен наслаждаться теми милыми шалостями, которые вы ему показали, а потом вести себя так, как будто он видит подобное впервые, да еще и в обморок упасть. Кстати, вы поверили в его отказ от желаний?

– Как вы можете спрашивать такое? Конечно, нет. Гарри умеет, почуввав жареное, прятаться за различными масками... и заговаривать самого себя подходящими трюизмами. На сей раз он выбрал Будду.

– И эта маска тут же приросла к его лицу. Не оторвёшь.

– О да. Потому я и согласился попробовать его в деле... Ему нужно помочь надеть правильную маску. Попросите шевалье поговорить с ним. У него это хорошо получается. И еще... пусть он немного подпалит Гарри шкуру... за то, что вздумал меня дурачить.

– Будет сделано, монсеньор.

...

Очнулся я в моей темной каморке. На кресте.

В кресле передо мной сидел шевалье и зевал. Играл своим перстнем и слепил им мне глаза.

– За что вы меня мучаете?

– А ты до сих пор не догадался?

– Нет.

– А ты подумай. Вспомни хорошенько, чем ты на самом деле занимался в комнате.

– Я ничего не могу вспомнить кроме того, о чем вы уже все знаете. Гордиться особенно нечем...

– Правда? А о том, что ты видел в подземелье, ты тоже ничего не можешь мне сказать?

– Отпустите меня. Я не сделал никому ничего плохого.

– Как трогательно! Монсеньор не любит быть одураченным, а ты умудрился и его и всех нас обхитрить.

– То, что я видел в подземелье – гнусность. Я на такое не способен.

– Ты уверен, дорогой папочка?

Слова эти резанули меня как бритва. И я вспомнил. А шевалье исчез.

Мне стало вдруг нестерпимо жарко. Крест мой запылал.

Адское пламя обожгло мне кожу.

А изнутри мою плоть уже грызли черви.

Сердце еле билось, омерзительный механический краб сжимал его своими металлическими клешнями. Воздух не хотел входить в легкие.

Ядовитые змеи повисли на нижней губе, сосках и мошонке.

Да, я все вспомнил... вспомнил ту душную ночь в Сиракузах, когда бесстыжая молоденькая гетера отвела меня в этот страшный дом и посвятила там в тайны запретных наслаждений. С тех пор ядовитые и сладкие фантазии заменили мне реальный мир. Но никогда, никогда в той, реальной, жизни я не сделал ничего, для того чтобы они стали явью. А в волшебной комнате... да... да... mea culpa.

И вот теперь я в озере огненном.

...

Длинная когтистая лапа сатаны вытащила меня оттуда.

Монсеньор поднес меня к открытому рту, рассмеялся так, что весь страшный ад показался у него под языком, дунул на меня, и боль прошла...

Я очутился в украшенном фресками и золотой лепниной зале.

С потолка вместо люстры свисал жернов на цепи.

В зале я был не один, сотни мужчин, разряженных в одежды разных эпох, танцевали чарльстон...

Некоторых из них невозможно было не узнать. Недалеко от меня лихо отплясывала незабвенная парочка: Панург с Братом Жаном. Левее их пыхтели Шейлок с Фальстафом, правее – отбивали колени милые мерзавцы Энколпий с Гитоном. За ними я заметил Савонаролу в черном одеянии и его тучного гонителя, папу Александра шестого в бордовой шапочке, рядом с которым танцевали его сыновья, небезызвестный Цезаре Борджиа и убитый им из ревности к сестре Джованни. Гектор и его убийца Ахилл забыли снять свои боевые шлемы, Одиссей зачем-то

приволок сюда свой знаменитый лук, а один из женихов, Антиной, даже не удосужился вытащить из горла стрелу...

Я тоже танцевал. Вместо штанов на мне было полосатое трико с гульфиком и подвязками, поверх атласной белой рубашки я носил щегольскую короткую желтую куртку с разрезами. На поясе у меня висел длинный меч в ножнах. Меч мешал мне танцевать, но придавал уверенности в себе.

После окончания танца в середину зала вышел распорядитель бала с деревянным лицом, в волчьей шубе и короне из медвежьих зубов и объявил ужасным скрипучим голосом: А сейчас, дорогие члены братства Святого Флориана, попросим нашу театральную группу разыграть для нас в лицах сцену: Казнь святой Бландины и 43 лионских мучеников. В роли палача выступит специально приглашенный артист, Гарри... Поприветствуем его и других артистов аплодисментами!

Гром аплодисментов сотряс зал. Я вынул из ножен меч и грозно его поднял.

ДВОРЕЦ МОНСЕНЬОРА

Ко мне подошел высокий человек в темно-вишневой тоге и сказал язвительно-приветливо: Приветствую тебя, Гарри. Хватит, хватит дико озираться. Вставай, я отведу тебя во дворец, тут нельзя долго сидеть, мирмидонцы из охраны могут тебя заметить и поднять на копье, они ненавидят таких как ты. Дааа... ты бы хоть трусы оставил, по коридорам дворца шатаются нанюхавшиеся кокаина амазонки и сбежавшие из зверинца немецкие львы. Они могут тебя неправильно понять и растерзать ненароком. Вот, возьми носовой платок, обвяжись. И еще... монетка при тебе? Да, та самая. Замечательно. Отдай ее привратнику, видишь, вон там у ворот стоит, с головой шакала, крыльями орла и ослиными ногами. Тут так принято. Когда будешь отдавать ему монетку, не смотри ему в глаза.

Так я и поступил.

Шакалоголовый принял монетку с Диоклетианом спокойно, но когда я уже уходил от него прорычал: Сгинь, чертова нежить! Провались в адское пекло, живорез! Спутник мой взял меня под руку и прошептал: Не оборачивайся, не отвечай, иди дальше. Пусть себе скрежещет зубами, наводит страх на обитателей потустороннего мира – его прямая обязанность.

– А разве мы...

– Да, да, конечно, но не совсем. Все зависит от того, откуда смотришь.

– Чайка на пляже назвала меня убийцей, привратник – живорезом. Почему?

– Никто не знает, что происходит в головах у этих экзотических созданий... птиц и привратников.

...

Я проследовал за темно-вишневой тогой по широкому и высокому, увенчанному готическим сводом, коридору. Ни амазонок, ни львов не встретил.

Видел только группу горлающих что-то нагих карликов, промчавшихся мимо нас на трехколесных детских велосипедах.

- Это что же, ваши амазонки? На львов они не похожи.
- Нет, это лилипуты из свиты императора, торжественная церемония в банях закончилась, они и решили пошалить, откуда-то достали велосипеды...
- У вас тут, что и император имеется?
- Да-да, и не один. Позавчера Вильгельм второй вызвал на дуэль Максимилиана, отца Филиппа Красивого, после того как тот пошутил за праздничным столом над его короткой рукой и кривой шеей, кроме того ему не понравился его габсбургский нос. Пришлось разнимать.
- Сидя на улице и глядя на фасад дворца, я представлял себе роскошную обстановку внутренних покоев, цветной мрамор, картины в тяжелых рамах, античные статуи, гобелены, чучела животных, рыцарские доспехи, старинные комоды, фарфор... но ничего подобного тут не было. Кирпичные стены коридора были лишь частично оштукатурены, тут не было ни статуй, ни картин, ни мраморной отделки, ни мебели.
- Не удивляйся, мы не в Музеях Ватикана и даже не в Замке этого невежи Херста. Мы в гораздо более интересном месте. Обитатели дворца не слишком ценят внешность, многие из них могут одним движением мысли изменить или создать новую обстановку своей комнаты и всего дворца. Смее тебя заверить, на свете нет ни одной забавной вещицы, которую мы не могли бы заполучить. Это даже легче, чем найти нужное изображение в вашем интернете, хотя по сути процессы похожи. Вот недавно один шутник установил в своей комнате, рядом с кроватью, гильотину, на которой казнили обоих Робеспьеров и Сен-Жюста. Решил проверить, работает ли устройство, и отрубил себе руку. Пришлось пришивать.
- И я смогу повесить на стене в своей комнате «Джоконду»?
- Ты сможешь повесить в ней, если захочешь конечно, распятого вниз головой апостола Петра... Как гость монсеньора ты будешь обладать всеми правами. Кстати, комнату свою ты сможешь увеличить или уменьшить, придать ей любой образ. Можешь превратить ее в апартаменты Короля Солнце в Версале... Но не советую делать слишком дерзкие эксперименты. Я свою комнату оставил такой, какой мне ее предоставили... только кровать поставил и тумбочку. Даже обои клеить не стал. Зачем множить сущее без необходимости?
- Погодите, если я повешу «Джоконду» у себя над кроватью – она что же, там, в Лувре исчезнет со стены?
- Нет, нет, конечно не исчезнет, а продолжит себе висеть. В этом и фокус. Мы находимся в особом месте. Они там о нас и не подозревают.
- А прекрасных дам – я тоже в свою комнату смогу...
- Вызывать? Разумеется. И они тоже будут одновременно обниматься с тобой и продолжают жить своей обычной жизнью по месту постоянной прописки. Больше, больше... ты сможешь, не выходя из комнаты, путешествовать по различным мирам... сможешь материализовать у себя все, что захочешь, живое и неживое, бывшее, существующее или еще не существующее, все, что сможешь представить. Можешь вызвать давно умерших людей... завладеть Лунным камнем... или погулять, например, по афинскому акрополю времен Перикла. Отыскать в старой Праге своего любимого писателя и посоветовать ему отправить в Америку не рахитичного героя, а своих собственных сестер, чтобы спасти их от любителей Вагнера. Или

перелетишь лет на триста вперед и посмотришь, во что превратили твои потомки эту прекрасную планету. Время – для нас не помеха. Если будешь вызывать кого-то к себе, то постарайся не терять здравый смысл. Помнишь этого ненасытного немца, профессора из Книтлингена, ну этого... с черным пуделем? Он, ни в чем не разобравшись, никого не спросив, вызвал к себе в комнату не кого-нибудь, а саму Прекрасную Елену... да, да жену Менелая, любовницу этого идиота Париса. И тут же потащил бедняжку в постель. А потом несколько столетий не знал, что с ней делать.

– А почему он не послал ее назад? В Спарту или в Трою? В Илиаду, или к Жаку Оффенбаху?

– Это не всегда позволено.

– А кто решает?

– Решает тот, чью волю исполняет монсеньор.

– Вы говорите загадками. Только... погодите, погодите... что же, вы и меня тоже так «вызвали»... а настоящий «я»... все еще там, в Берлине, или уже в банке сидит, кредитные гарантии анализирует?

– Ха-ха. Ты не потерял способность думать, Гарри, несмотря на удар по голове в мемориале. Скажем так: Прежний, усталый и отчаявшийся Гарри – да, все еще там... а новый, энергичный и сильный Гарри – тут, беседует сейчас со мной. А кто из них настоящий, сам черт не разберет. Такое объяснение тебя устраивает?

Спутник мой открыл дверь моей комнаты старинным бронзовым ключом и заявил, что зайдет за мной утром. Втолкнул меня внутрь, запер дверь и ушел.

...

Комната моя оказалась каморкой площадью в четыре квадратных метра. Или скорее – камерой. Без окна, даже без лампы. И без мебели.

Я бы мог начать яростно стучать в дверь, звать на помощь, но не стал этого делать, а сел на полу по-турецки и сосредоточился. Мне не терпелось проверить, сказал ли мой провожатый правду.

Для начала я представил себе горящую свечу в подсвечнике.

Ничего не изменилось. Я по-прежнему сидел в темноте. Может быть, надо произнести какое-то волшебное слово?

Неожиданно для самого себя я громко сказал: Хватит играть со мной в кошки-мышки, господа. Или выполняйте то, что обещали, или возвращайте меня назад!

Откуда-то раздался приглушенный смех, а затем... как бы нехотя – передо мной появилась горящая свеча в серебряном подсвечнике. Следующие шаги дались мне легче. Через несколько минут я уже мылся под душем и тер себя намыленным мохнатым пузырем. После душа я побрился и лег на широкую, застеленную свежим бельем тахту, стоящую в середине просторной квадратной комнаты. Через три больших окна лился зеленоватый лунный свет. Я задремал.

Да, забыл упомянуть – на полу моей комнаты лежал лучший из ковров того иранца. Мягкий, толстый и с изумительными узорами. А на стене висела «Мона Лиза» и таинственно улыбалась.

...

– А у вас тут уютно, – неожиданно на вы сказал тот, кого маркиз называл шевалье, входя ко мне в комнату.

– И вам тоже доброго утра!

– И вид из окна замечательный! Каменные истуканы в ряд, океан... Это что же, остров Пасхи?

– Он самый. Решил немножко разнообразить ландшафт, если это позволено.

– Конечно, конечно. Тут все позволено. Приветствуется даже.

Шевалье сел в кресло, которое я ночью позаимствовал из музея Баухауза в Веймаре и пригласил меня жестом сесть напротив него.

– Не желаете ли что-нибудь выпить? У меня есть минеральная вода и виски. Двенадцатилетний. Прямо из подземного хранилища в Шотландии.

– Я вижу, вы времени даром не теряли... Даже в массажном салоне побывали и солярии. Нет, нет, спасибо, я на службе.

– Ну что же, а я выпью глоток.

– Чин-чин! Вам конечно интересно узнать, что все это значит, зачем вы здесь и почему именно вы.

– Еще вчера мне это действительно было интересно, а сегодня меня интересуют только... границы дозволенного.

– Прекрасно. О границах.. кхе-кхе... я могу сказать несколько слов. Должен, должен сказать.

– Валяйте.

– Как вы валяжны. Вас не узнать. Загорелое холеное тело. Педикюр! Роскошь и здоровье развращают, Гарри, и внушают несбыточные надежды. Шелковая пижама... держу пари от Остина Рида. Золотая цепочка на шее... с двумя дельфинами... Ролекс с изумрудным циферблатом... фи. Не хватает только татуировок на руках и пирсинга на пупке. Породу человека не изменить даже самому сатане. Сейчас я покажу вам границы дозволенного. Ничего личного, не обижайтесь. Шевалье недобро ухмыльнулся и как-то странно дернулся.

И тут же моя чудесная светлая комната уменьшилась и стала опять той темной камеркой без окон, в которой он меня вчера оставил. А я потерял свою новую пижаму, цепочку, часы и дорогие сандалии из мягкой кожи... и остался, как и был, босым, нагим, с носовым платком на чреслах. И вдобавок – я был прикован толстой ржавой цепью к осклизлому деревянному столбу с перекладиной, привинченному к одной из стен камеры.

Шевалье все еще сидел в кресле и равнодушно смотрел на меня. Освещал сцену светящийся камень с его перстня на указательном пальце.

– Да, да... все может кончиться быстро... еще не успев начаться. И наступит вечность, полная мучений. И пижаму и Ролекс надо еще заслужить. Помните это, Гарри, знайте свое место.

Я пытался освободиться, повторить то, что сделал ночью, раздвинуть камеру, прорубить окна, но мне не удалось ничего... не удалось даже ослабить цепи, глубоко врезавшиеся в кровоточащую кожу.

Прохрипел: Подонок! Погоди, когда-нибудь сочтемся.

Попытался плюнуть ему в лицо, но во рту не было ни капли слюны.

Шевалье глубоко вздохнул, покачал головой, а потом... дернулся еще раз... и все возвратилось. И комната, и свет, и ковер, и пижама, и мое выхоленное за волшебную ночь тело, и цепочка с дельфинами.

Силы вернулись ко мне. Я был подавлен, молчал, ничего не предпринимал и наблюдаю за шевалье. Тот кивнул примирительно и заговорил.

– Бон! Благодарю вас за то, что не попытались после возвращения выкинуть меня из окошка. Это мудро. Мудро потому, что монсеньор решил бы, что вы не способны к обучению и, пожалуй, оставил бы вас прикованным к кресту на несколько дней...

Пришлось бы искать нового кандидата. К делу. Комната эта, как вы уже догадались, не тюремная камера, а место исполнения желаний. Все, что вы пожелаете, сбудется, произойдет, овеществится. Вы можете превратить всю вселенную в наперсток.

Можете стать богом или ангелом, переспать с любым живым существом. Вы можете сказочно разбогатеть, стать президентом США или Юлием Цезарем, можете изменить историю человечества. Разумеется, вы можете заняться и малыми делами.

Собрать коллекцию византийских икон или превратиться в гинеколога, ювелира или физика-ядерщика, или... прожить жизнь американского писателя. Например, Амброза Бирса.

– Могу стать президентом? Прожить жизнь Амброза Бирса? Где же ожидаемое «но»?

– Приятно беседовать с умным человеком. Но... вы не должны забывать об одном правиле.

– Какое правило?

– О, очень простое правило. Некоторые бывало, наломают дров в первую же ночь, а потом убирай за ними... Сформулирую кратко. Вы будете нести ответственность за последствия того, что пожелали. За то, что осуществилось или материализовалось.

Проще простого: Если вы пожелали увидеть перед собой голодного дракона, вы не должны удивляться, если он набросится на вас и съест. Если вы решите разделить судьбу Амброза Бирса, то вы не должны роптать из-за неприятия ваших рассказов издателями и публикой, из-за бедности и безвестности, и должны принять как должное трагическую смерть при неизвестных публике обстоятельствах. А если вы все-таки решите превратить всю вселенную в наперсток, то не пеняйте на то, что вместе со всеми галактиками и планетами-кометами – исчезнете и вы. И у вас не будет возможности отменить свое желание.

– Понял, понял.

– Вас призывали и поместили тут, конечно, не случайно. Если вы останетесь с нами, вам придется выполнить несколько поручений монсеньора. Не беспокойтесь, вы справитесь. А платой за службу будет проживание в этой комнате. То есть все, что вы пожелаете. И еще... во дворце шептались о каком-то грандиозном пари, заключенном между монсеньором и... и тем, имя которого не называют. Возможно, на вас поставили, не подведите... Даю вам три минуты на обдумывание. Если не хотите тут оставаться – вас сейчас же вернут на ту самую лавочку в Берлине, на который вы изволили съесть бутерброд с сыром. Воспоминание о том, что случилось после, покинет вашу голову и в десять вечера того же дня вы вместе с женой и дочками благополучно приземлитесь в аэропорту Карлсруэ-Баден-Баден, а еще через день приступите к своим обязанностям в банке.

Я не стал ждать окончания данного мне на раздумья срока.
– Хорошо, – сказал шевалье, – тогда я покину вас незамедлительно. Делайте, что хотите. Расслабьтесь и наслаждайтесь. Монсеньор позовет вас, как только вы ему понадобится. До свидания.

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

Разбудила меня назойливая муха, ползающая у меня по носу.
Я лежал на прекрасном песчаном пляже.
Отогнал муху, встал, отряхнулся, осмотрелся. Сел.
Пахло водорослями и соленой рыбой. Было жарко. Но легкий ветерок приносил прохладу и умиротворение.
Как и было сказано, я находился на острове. На островке. По виду – необитаемом.
В ширину остров был всего метров двести, а в длину несколько километров. Я сидел на северной его оконечности, в трех шагах от воды.
Первой мыслью было – какой к черту остров – нам же сегодня лететь!
Как жена с дочерьми получают багаж – ключи от запертых железных ящиков у меня в кармане. Хорошо еще, что авиабилеты остались у нее.
Вяло поискал в карманах ключи. Не нашел.
Возможно то, что перенесло меня сюда из Берлина, похитило их у меня. Зачем? Ради нашего старого барахла, двух новых пар джинсов для дочек, с дырками на коленях, музейных каталогов и трех дешевых сувениров с кусочками Стены, купленных женой на Центральном вокзале? Убогий автомобиль Трабант, музыкальная шкатулка, играющая Вивальди, и пластиковая телебашня.
Странно. Проверил все мои карманы. Не только карманы брюк, но и рубашки и жилета. Пропали мой мобильный телефон, очки, ключи от дома и машины, бумажник. С деньгами, банковскими карточками и паспортом.
Исчезли все вещи, связывающие меня с цивилизацией, но вместе с ними исчезли и моя сонливость, и слабость в ногах, и пятна на коже. Руки больше не тряслись, и песня Дорз перестала мучить.
В нагрудном кармане рубашки я нашел – серебряную римскую монету с изображением императора Диоклетиана. На другой ее стороне были вычеканены ворота. Откуда она взялась? Подложили дочки-шалуньи?
И кстати, как это ты разглядел портрет и надпись без очков? Странно. Неужели и зрение улучшилось? Чудо.
Крутил, крутил монетку пальцами, и думал: Все это конечно хорошо, чудо и все такое, но если я в ближайшее время не добуду воду, то милое это приключение кончится на удивление быстро. Околою тут на острове.
...
Благоразумно решил не думать о смерти, а для начала – искупаться. Авось морская водичка промоет мозги.

Сбросил с себя пахнущие потом тряпки и бросился в воду как юный леопард бросается на трепетную лань.

Вода была теплой и чистой. Игрушечные волны не мешали плавать. Солнечные лучи преломлялись в брызгах тысячами разноцветных лучиков. Я плавал внутри живого, небесно-голубого бриллианта.

Появились сиреневые русалки, они приласкали меня своими нежными грудями с затвердевшими сосками и играли со мной в селезня и утку.

Неожиданно снова заговорил баритон: Посмотрите, как он вертится! Вы, что, дорогой шевалье, ему девочек из кордебалета послали? Даже завидно... может быть и мне искупаться?

– Вам? Почему нет? Только не испугайте его вашим париком, шпагой и кинжалом, любезный маркиз, он еще сырой, в возрасте, может и инфаркт получить. Вы же знаете этих современных людей. Слабаки и невротики. Чуть что – и в ящик.

– И не говорите!

...

Расцеловав всех русалок и наплававшись досыта, решил пройтись вдоль острова и осмотреть свои новые владения. Отправился в чем мать родила... босым. Это так сладко – разгуливать по необитаемому острову голышом!

Монетку на всякий случай положил под язык.

Глядя на пылающие синие небеса и розоватые ракушки под ногами, я внушал себе, что со мной произошло нечто прекрасное. Пусть и невероятное, и загадочное.

Долгожданная перемена в моей постылой жизни.

С давно забытых студенческих времен я не чувствовал такого прилива энергии, не ощущал так остро свежесть и пряность существования. Я был счастлив. Один, голый, на необитаемом острове. Какая ирония!

То очевидное обстоятельство, что я спятил, почему-то не пугало. Не пугала и бросающаяся в глаза символичность места, куда забросила меня судьба.

Островок в Адриатике... что может послужить лучшей метафорой для моей судьбы?

Даже то, что я вероятно никогда больше не увижу жену и дочек, не страшило. С женой давно нужно было развестись, а я все тянул и тянул, непонятно зачем, портил ей и себе жизнь. Она еще молода и красива, найдет себе другого.

А дочки... дочки уже не раз давали мне понять, что я замучил их своими нравоучениями, что я неумен и беден, несовременен и смешон... и главное – мешаю им жить.

Мой родительский инстинкт протестовал, но другой, темной стороной мозга я понимал, что они правы. Что мое ежедневное присутствие в их жизни – для них обуза.

...

Остров мой был плоским как дно плоскодонки. Как я сам, как моя жизнь. Метра полтора выше уровня моря.

Деревья и кустарники тут не росли. Зато было много камней и песка. Вереска. И неизвестных мне ядовито-оранжевых цветочков.

Населяли его только ящерицы и насекомые.

Несколько чаек важно разгуливали по пляжу и недовольно посматривали в мою сторону. Одна пропищала: Что ты тут забыл, убийца? Убирайся! Убийца?

Кинул в нее камнем. Не попал.

Пошел по твердому мокрому песочку к южной оконечности острова.

Прибой ласкал мне ступни и стирал позади меня мои следы.

С каждым шагом от меня как скорлупки отваливались воспоминания. И сгорали в огне времени. Я забыл свое детство, свою настоящую жизнь, лица родных и коллег по работе. Забыл и себя. И очутился в долгожданной блаженной пустоте.

Так я, по крайней мере, тогда думал.

...

Почему-то был уверен, что обязательно найду что-нибудь на другом конце острова. Что-то интересное.

Сокровище пирата Моргана?

Обломки «Звезды Америки»?

Публичный дом для контрабандистов?

Ничего там не было.

Южная оконечность острова походила на северную. Такой же пляж. Такой же вереск. Те же камни, тот же песок, те же чайки. И такой же, ничего не понимающий, опустошенный, но умиротворенный и явно помолодевший я.

Не расстроился, а рассмеялся. Разве можно обижаться на ороговевшую метафору?

Сел и начал рыть...

Хотел вырыть что-то вроде убежища. Предвидел, что после захода Солнца ветер с Адриатики заставит меня дрожать от холода. Смутно вспоминал предупреждение торговца коврами.

Следовало развести костер, но топить было нечем и спички отсутствовали.

Рыл руками, рискуя сломать ногти. Но не сломал.

И опять услышал голоса.

Бас спросил: Что это он там роет? Могилу?

– Не знаю, монсеньор. Возможно, он хочет вырыть яму и укрыться в ней.

– Почему он не хочет переночевать в специально приготовленной для него комнате, во дворце?

– Простите, монсеньор, но он не видит дворец, он уверен, что находится на необитаемом острове. И готовится к смерти от жажды.

– Ах, как это печально. Он что, понятия не имеет, кто он на самом деле и зачем его сюда пригнали?

– Именно так, и я боюсь ему потребуется время на то, чтобы вспомнить и осознать.

– Как и им всем.

– Как и им всем.

– А что мешает ему увидеть дворец?

– Еще раз простите монсеньор, но вы сами не разрешили ему это. Из воспитательных соображений.

– Я?

Бас расхохотался и резко щелкнул пальцами.

На темнеющем горизонте сверкнула ветвистая молния, похожая на горящие рога оленя, а через несколько мгновений до меня долетел и раскат грома.

И тут... пелена спала с моих глаз, и я вдруг понял, что сижу не на песке, а на вымощенной крупным розовым, с синеватыми прожилками камнем площади идеального города с известной картины прямо перед входом в монументальное трехэтажное здание, напоминающее старые римские постройки. Сижу и скребу ногтями мостовую.

На фасаде здания я разглядел несколько фантастических животных и дюжину странных геометрических фигур, предназначение которых я не понял.

В БЕРЛИНЕ

Бесконечные стройки, вонь и рычание автомобилей, неприветливые лица вечно спешащих, раздраженных берлинцев и разочарованные физиономии праздношатающихся по центру туристов, так и не нашедших в этом, разбомбленном когда-то городе, того, что искали, а также попахивающие дешевой едой и текстилем гипермаркеты, сомнительные достопримечательности и даже сами первоклассные музеи – осточертели мне уже на третий день нашего пребывания в столице Германии.

Как долго можно вдыхать выхлопные газы на берлинских улицах, таскаться по бутикам, примерять кофточки и блузки, пялиться на помпезные памятники и топтаться у картин и статуй, проклиная боль в коленках?

...

Рестораны, памятники и редкие в Берлине исторические здания – атакуют толпы жаждущих «эвента» туристов. Эвент однако так и не происходит. Поэтому все тыкают пальцами в свои смартфоны, ищут покемонов и фотографируют как одержимые. Снимают самих себя. С Бисмарком, Фридрихом великим или с советским танком, все равно. Но лучше всего на фоне разрисованных художниками бетонных силосных блоков – остатков Берлинской Стены, этого назойливого напоминания о беспомощности граждан перед произволом лживого и агрессивного государства.

В музеях душно... мёртво, как в склепе.

Маслом или темперой нарисованная жизнь. Деревянные, мраморные или бронзовые пародии на человека. Гробы повапленные.

Не могу смотреть на неживое. Скучно. Ну нарисовал какой-то фламандец эту уже две тысячи лет как набившую всем оскомину «Тайную вечерю», и что? Никто не знает, состоялась ли она на самом деле или нет. Средневековые мужики сидят как разряженные мумии... рожи мрачные. Один Иуда с денежным кулечком – живой. Злобный, жадный, завистливый, подлый. Как мы все. А остальные – как будто деревянные. А Иисус еще и напомажен.

Или вот еще – в центре города понаставили рядами сотни бетонных ящичков. Целое поле ими усеяли. Все ящички крысино-серые, гладкие. Метров по пять-шесть.

Публике предписано между ними ходить и ощущать страх и стеснение ... вроде как

рыбе в сетях. Жена пояснила: Не ящики это, а плиты. Архитектор построил знаменитый. В память о убитых евреях. Мемориал.

Понимаю, сочувствую, я не саблезубый тигр. Но у меня эти плиты никакой скорби не вызывают. Только уныние и тошноту.

Что общего у этих бетонных конструкций с убитыми евреями? Почему именно евреями? В немецких лагерях гибли не только евреи, но и советские военнопленные, цыгане, гомосексуалисты, коммунисты, поляки, иеговисты. Гибли и сопротивляющиеся фашизму немцы.

Заклинания официальных адептов памятника на меня не действуют. Если мемориал не свидетельствует сам о себе, если надо объяснять, кому он, да что надо чувствовать и что не надо...

Дочки мои среди этих ужасных плит – бегали, прыгали, резвились. Хохотали и чирикали как скворцы. Мне не хотелось им что-то объяснять. Отравлять их день правдой о людях и мире. Узнают и без меня, на что мы все способны. Да и что можно объяснить молодости? Стрекозе? Цветущей магнолии?

Жена – та, прочитав текст на объяснительной табличке, как и положено, прониклась, помрачнела и на меня поглядывала осуждающе. Потому что я мировую скорбь на морде не изображал, шел себе и думал о своем. Пока с одним похожим на меня типом, топающим по пути, перпендикулярному нашему, не столкнулся. Треснулись головами так, что чуть мозги не вышибли друг другу. Спасибо архитектору-деконструктивисту.

Кстати, прямо за ним, за этим полем, напшигованным бетоном, там, где теперь автостоянка и построенные еще во времена ГДР уродливые панельные дома, стояла когда-то новая Рейхсканцелярия, а под ней располагался бункер, где провел последние месяцы жизни Адольф Гитлер. Там его и Еву Браун и сожгли. Там же госпожа Магда Геббельс отравила своих шестерых детей, себя и мужа. А за двенадцать лет до этого, до этого на площади неподалеку члены Немецкого союза студентов публично жгли книги «враждебных немецкому духу» авторов. Эриха Кестнера, Фрейда, Ремарка, Тухольского...

Кестнер стоял в толпе студентов и смотрел.

Прочитал об этом в путеводителе. Сидя на одной из плит.

...

Жена отомстила мне ночью – я полез к ней целоваться-миловаться, а она меня отшила. Строго так, как инквизитор – еретика.

Виноват в том, что памятник на меня не подействовал. Попытался шепотом объяснить почему – и был назван сквозь зубы «бессердечным эгоистом, ничего не понимающим в современном искусстве».

Ладно. Не впервой. По-хорошему, жена права. Я эгоист и много чего не понимаю. Старею, тупею, костенею. Скоро впаду в маразм и начну пузыри пускать. Каждого из нас ждет свой персональный холокост. Не знаю, кого за это благодарить – демиурга-неумейку, сотворившего такой мир, или природу, прародительницу и убийцу всего живого.

...

На седьмой день – нам домой лететь. Вечерним рейсом. Из Тегеля.

Предложил в зоопарк сходить, поглядеть на панду и пингвинов, но жена захотела еще один музей осмотреть, этнографический, в Далеме, а дочки жаждали посетить распродажу нижнего эротического белья в Алексе.

Я наотрез отказался и от того и от другого. Хватит с меня. Чуть не поругались. Решили встретиться в аэропорту. Вещички наши жена собрала, я обаялся отвезти их в аэропорт после завтрака. А потом – до восьми вечера каждый сам за себя отвечает.

Завтракали молча. Только дочки переглядывались и хихикали. Потому что я подавился хлебными крошками, закашлялся, запачкал яичным желтком новую рубашку и кофе на казенную скатерть пролил.

Руки трясутся уже года три... Может и паркинсон. Пигментные пятна выскочили на коже. К врачу не ходил, обойдется.

Разъехались.

Автобус мой минут двадцать в пробке стоял перед туннелем, водитель арабскую музыку слушал, пассажиры волновались. А я в окно глядел. На облака, на дома, на берлинцев, на очередь у киоска с дёнерами, на воробьев. Хоть и не музей в Бильбао, а интересно. Чужая жизнь.

Пустая моя душа носилась по воздуху вместе с воробьями.

Прибыл в Тегель. Чемоданы засунул в металлические ящики. Еле влезли. И поехал – на том же автобусе – обратно в центр. Вышел у Цоо.

...

Посетил туалет на вокзале. Историческое место. Воняет конечно, но не грязно.

Слышал из своей кабинки, как вздыхают и стонут испражняющиеся мужчины.

На выходе заметил – какие-то мальчуганы с карамельными лицами стоят у кафельной стены и смотрят на меня клейкими глазками. Как будто ожидают чего-то. Даже знаки мне делают. Но я их знаков не понял и поскорее ушел.

Купил в киоске на улице пиццу. Дорогую и невкусную. Не умеют готовить пиццу в Берлине. И пирожные тут как будто из опилок сделаны. Выпил бутылочку колы. И пошел... просто так, без цели... по знаменитой улице Курфюрстендамм.

Не знаю, что в ней нашли такого особенного? В несколько магазинов забежал – цены бешеные. Кто тут столько зарабатывает, чтобы легкую тряпочку на плечи за четыреста евро покупать... или за кожаный портфель полторы тысячи выложить? Один иранец чуть меня не уговорил кушать ковер. Зачем мне ковер? Иранец хитро прищурился, крикнул и сказал: Кто знает, может быть он вам скоро понадобится. Очень скоро... На ковре можно полежать, понежиться, в ковер можно завернуться, если холодно. С ковром не так одиноко жить.

Свернул с Кудама налево... Тоже улица богатая. Солидные дома, резные двери, большие окна, эркеры, балконы, колонны. Всевидящее око на фасадах.

А на асфальте – под ногами – латунные дощечки с именами и датами.

Тут жила Белка Розенфельд. Родилась 1928... депортирована 1941. Расстреляна в Риге 1943.

15 лет прожила девочка. Моей младшей дочке сейчас столько. Это посильнее действует, чем серые коробки у американского посольства.

Сколько же их тут жило...

И все, что от них осталось – латунные таблички. Как коронки на зубах.

...

Брел, брел, глазел по сторонам. Плутал.

Через несколько часов сонливость одолела. Слабость в бедрах ощутил. И неприятное покалывание в груди.

Передо мной пульсировало бурое море мегаполиса.

Выхлопные трубы харкали и ревели как голодные звери.

Лица прохожих превратились в страшные маски.

Фонарные столбы начали изгибаться. Небо – желтеть и тяжелеть.

Запахло серой.

Нашел киоск с провизией, купил сэндвич с сыром и огурцом и еще одну бутылочку колы. Сел на лавочку, съел сэндвич, выпил колу и полчаса подремал. Напевал привязавшуюся песню группы Дорз.

I tell you

I tell you

I tell you we must die

По радио слышал за завтраком.

Встал и дальше пошел.

В магазины больше не заходил, только на витрины таращился. Машинально фиксировал в памяти то, что видел.

Зачем? Кому собираешься отчитываться? Одна бабушка Дора слушала твои рассказы внимательно, задавала вопросы. Дед не слушал, слишком был погружен в свои дела.

Отец рано умер, мать не обращала внимание на твоё красноречие. Жене и дочкам твои отчеты давно надоели. Сотрудникам по работе? Господи, совсем забыл, мне же через два дня... опять в рабство, в банк.

Как же все это противно! Сыт по горло. А куда деваться?

С удовольствием сжег бы проклятое здание. Вместе со всеми его зомбированными сотрудниками.

Перед глазами тут же появилась огненная стена.

Пахнуло гарью.

Послышались истошные крики.

Замелькали тени.

По воздуху полетели денежные купюры.

Ладно, ладно, я пошутил. Пусть живут и процветают.

I tell you we must die

Да... тут парики, а тут новые китайские смартфоны... сколько без договора? Не разобрал. Все равно. Книжки на арабском... школа вождения... молодежные шмотки... еще шмотки... все для пирсинга... пуговицы и молнии... ночной бар «Атлантида», заходите, тут вам понравится, наши девочки покажут вам то, что вы никогда не видели... интересно, что они имеют в виду... готические товары... ресторанчик... индийский, китайский, итальянский, вьетнамский... школа татуировки.

Кондитерская... большой выбор венских деликатесов... пончики и маффины... а тут курри-вурст. Магазин электроники... обувной... рыбный... свежие устрицы...

адвокатская контора «Шифрин и сыновья»... сексшоп для голубых, розовых, фиолетовых.

Овальная дощечка на стене, похожая на экран допотопного телевизора... тут жил Рудольф Штайнер, основатель антропософского движения.

Увлекался им в юности. Читал, читал... и все время мне казалось, что автор обещает что-то важное, обещает, но выполнять обещание не собирается. Надувает, надувает многословной своей мистикой шарик, заставляет его мерцать как волшебный кристалл... а потом пускает в воздух – лети! Но шарик... хлоп... лопается и падает. После Штайнера... опять начал слабеть.

I tell you

I tell you

I tell you we must die

Ноги еще несли меня по прыгающим улицам, глаза еще глядели, уши слушали, но голова отказывалась работать. Я шел как испорченный робот, покосившись. Шел и потихоньку оседал. Запинался, моргал и глупо улыбался.

Через некоторое время марево перед глазами сгустилось. Уши заткнуло ватой. В одной из витрин показался Большой козел. Сердце заохлонуло.

I tell you we must die

В изнеможении сел на мостовую и закрыл глаза. Попытался поднять голову. Не смог. Прошептал: Помогите, умираю.

Но никто не помог.

Сквозь обморочную дрему услышал, как какой-то до боли знакомый баритон проговорил: Он уже готов, хватит. А-то еще сгоряча прикончите старого ворчуна, а нам придется возиться, воскрешать... назорей поднимут скандал, а монсеньор и так раздражен этими несносными суффражистками с копьями. Нельзя его сейчас нервировать, сами знаете, что может произойти. А тут еще собрание этого проклятого братства... всегда они собираются не вовремя. По слухам, хотят устроить очередную массовую казнь. Реки крови... Вот же, нейдет чужакам.

Другой голос, тоже знакомый, ответил: Сейчас, сейчас, любезный маркиз, погодите... мы его осторожно распакуем и... и опять запакуем, уже в новом виде... и станет наш Гарри свежим как огурчик с грядки... монсеньор будет доволен. Его кандидат не подведет. Готово! Получите и распишитесь.

– Куда вы его определили?

– Как вы и приказывали, на безлюдный остров в Далмации. Временно. Как только очухается и проветрится, доставим его во дворец.